

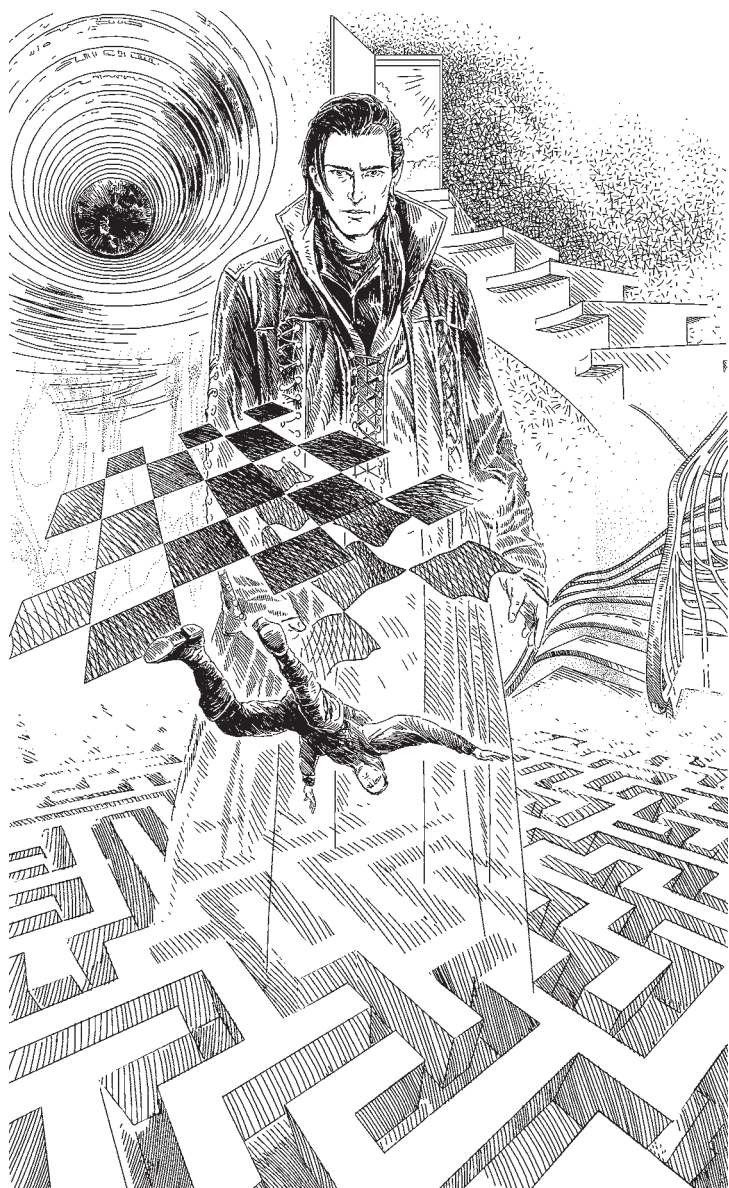

Оксана Панкеева

Цикл
«Хроники странного королевства»

ПЕРЕСЕКАЯ ГРАНИЦЫ
О ПОЛЬЗЕ ПРОКЛЯТИЙ
ПОСПОРИТЬ С СУДЬБОЙ
ЛЮДИ И ПРИЗРАКИ

Оксана Панкеева

Люди и призраки

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2012
 SARMA
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П16

Художник
А. Клепаков

Панкеева О. П.

П16 Люди и призраки: Роман.— М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012.— 445 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1260-0

Жизнь — вообще опасная штука, а уж для государственного преступника, бывшего убийцы на службе принца-бунтовщика, — опасная втройне. Не стоит питать иллюзий касательно своей судьбы — тогда проще будет принять ее, когда все-таки попадешься. Все когда-нибудь умирают, даже короли не застрахованы от покушений...

...Если только речь не идет о том самом короле, под защитой которого бывший убийца оставил любимую девушку! Кто же ее теперь защитит? Нет-нет, господа, казнь откладывается! И прочие ваши планы на ценного пленника — тоже. У него есть более важные дела, и рискните его остановить...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1260-0

© Панкеева О. П., 2004
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ПРОЛОГ

Жил-был, как и полагается в приличной сказке, король. Его величество Шеллар III. И решил он, как во всякой сказке, жениться. Долго он с этим вопросом тянул, морочил головы и подданным, и наставнику, но в конце концов нашел себе невесту. Куда уж деваться — слово дал, жениться надо, а тут и любовь с нареченной, как по заказу, да похоже, на сей раз наконец счастливая... И все бы хорошо, только зловещее пророчество омрачало столь радостное событие: предсказали его величеству, что в день свадьбы потеряет он любимую невесту — и не переживет этой утраты. Но упрямый король не отступил, решил все же переспорить злодейку-судьбу, и это у него почти получилось...

Давно королевский замок в Даэн-Риссе, столице славного Ортана, не видел такого количества рыдающих коронованных особ одновременно. Если бы умирающий король мог сейчас подняться и взглянуть на своих родных и друзей, он был бы приятно удивлен, ибо даже не предполагал, как сильно его любили.

Не стыдясь своих слез, утирала единственный глаз молодая жена, отважная воительница Кира. Девушка, которая не побоялась сразиться с драконом, но очень долго сомневалась, стоит ли ей выходить замуж и нужна ли она кому-то по-настоящему после полученного увечья.

Громко сопел и шмыгал носом любимый кузен Шеллара, принц-бастард Элмар, украдкой смахивая слезу, ибо не пристало воину плакать. Неуместно и нелепо выглядит плачущий мужчина пяти с половиной локтей ростом, осо-

бенно если он первый паладин короны и великий герой, воспетый в балладах и поэмах. Но даже он не мог сдержать слез.

Чего уж ожидать от королевского шута, от природы наделенного чувствительностью и способностью к состраданию сверх положенной мужчине меры... Бедняга Жак едва чувств не лишился, ибо решил, что его друг и повелитель мертв, а при виде покойников шут имел свойство падать в обморок подобно даме. Возможно, в его родном мире это и считалось нормальным и, возможно, если бы чуть побольше народу об этом знало, к нему относились бы снисходительно, но тайну своего происхождения Жак упорно скрывал. Лишь избранным было известно, что этот веселый юноша не поморский эмигрант, а переселенец из другого мира.

Переселенцы были здесь обычным явлением — время от времени они появлялись ниоткуда рядом с телом умершего мага. Или же возникали в руках неопытного ученика вместо какой-нибудь полезной вещи, за которой тот пытался магическим путем дотянуться, но промахнулся. Если люди оказывались живыми (что было не так часто), они становились новыми подданными Ортана, поскольку назад вернуться было невозможно. Ведь перемещались только те, кто мгновение назад умер в своем мире. Невезучий хакер Жак погиб при попытке добраться до чужой информации, слишком серьезно защищенной от взлома, и по иронии судьбы попал в мир, где его таланты и умения мало кому могли пригодиться — компьютеры, как и многие другие привычные Жаку, да любому жителю XXII века, чудеса техники в этом мире изобретены еще не были. Неунывающий компьютерный гений немного погрустил и... подался в шуты.

Причины скрывать свое истинное происхождение у Жака были очень даже серьезные. До своего появления в Ортане он успел побывать в Мистралии, и его до сих пор разыскивала мистралийская разведка. В тайном исследовательском центре остро требовались переселенцы с техническим образованием. Кроме того, бывший хакер, убегая из тюрьмы Капель Милагро, перепортил кучу уникальной аппаратуры, в этом мире непроезжимой, и при-

хватил с собой государственного преступника, что ни в каком мире не остается безнаказанным. Под защитой короля Жаку нечего было бояться — Шеллар III, бывший руководитель службы безопасности, знал свое дело и ухитрился спрятать переселенца на самом видном месте — при дворе. Собственно, бояться было нечего и теперь, но вот так по-глупому потерять друга... Кто бы мог подумать, что все так получится? И чем не угодил бедный король старшей из хинских императриц?

Последним вопросом задавался и господин Флавиус, глава Департамента Порядка и Безопасности. В отличие от прочих близких друзей его величества, этот господин не имел возможности в полной мере выразить переполнявшую его скорбь, так как был чрезвычайно занят. Первым делом следовало вырвать злоумышленницу из рук младшей хинской императрицы и королевы Галланта, которые могли невзначай нанести коллеге несовместимые с жизнью повреждения и лишить главу департамента возможности ее допросить. Затем организовать надежную охрану для препровождения преступницы в подобающее место и лично провести предварительный допрос. Попутно постараться максимально быстро и категорично отвязаться от императора, независимо от того, пожелает ли его величество защитить супругу или собственноручно свернуть ей шею. А также проследить, чтобы собственные сотрудники невзначай не помяли преступницу сильнее, чем следует... Словом, на ближайшие несколько дней глава департамента был обеспечен срочной работой. А уж потом, после коронации нового правителя, можно будет и своими делами заняться. Оплатить все счета, заверить завещание, сходить в баню, достать из ларца ритуальные ножи и обратиться к его величеству за высочайшим позволением на единственно возможный вариант отставки.

Не было времени на слезы и у придворного мага, даже когда почтенный мэтр Истран убедился, что медицина в данном случае бессильна. Поскольку короля в бессознательном состоянии унесли в его покои, а от потрясенного первого наследника бесполезно было бы требовать ка-

ких-либо разумных действий, кто-то должен был навести хоть видимость порядка в охваченном паникой зале. Выставить всех лишних гостей, в особенности близкого к обмороку Жака и ревущую в три ручья Ольгу, которая так и не успела добраться до королевской ложи и добавить коварной императрице пару пинков от себя лично. Наложить успокоительное заклинание на юного принца Мафея, ибо чувствительный полуэльф под действием стресса мог опять выпустить из-под контроля Силу и что-нибудь разнести, как в детстве. Объяснить, кому куда бежать и что делать. И желательно поскорее, чтобы успеть еще проститься с любимым воспитанником в подобающе торжественной обстановке... А также вразумить принца-бастарда Элмара, потолковать с придворным мистиком, сказать хоть несколько слов утешения несчастной королеве и еще раз проверить состояние принца Мафея...

Сам принц Мафей тихонько плакал в укромном углу, не обращая внимания на всеобщую панику. То ли заклинание наставника подействовало благотворно, то ли у парнишки просто не было уже сил на бурные истерики, то ли он просто был морально готов к случившемуся. Ведь он знал все с самого начала. Юный ученик мага обладал способностью к предвидению — ему снились иногда вещие сны, которые всегда предвещали опасности и неприятности близким людям и просто знакомым. И печальный финал свадьбы любимого кузена Мафей тоже видел, хотя и немного не так, как получилось на самом деле. Правда, до сих пор все, что ему снилось, сбывалось без таких трагических последствий! Братец Элмар потерял соратников в битве с драконом, получил серьезную травму, но остался жив. Жак отделался испугом и обмороком. Кузен Шеллар был ранен, но нетяжело, и через пару дней уже носился по дворцу, наводя свои порядки везде, куда мог дотянуться. От предсказанных Мафеем несчастий до сих пор никто не умер, и Шеллар так надеялся на эту странную закономерность... И вдруг вот так... Может, и не следовало ему ничего рассказывать? Может, если бы Шеллар позволил событиям идти своим чередом, все и на этот раз обошлось бы?

Ведь в своем стремлении поспорить с судьбой король сам подставился под отравленный дротик, который предназначался вовсе не ему... Если бы Мафей не послушался и сохранил свой сон в тайне... И если бы его приятель Орландо не попытался проверить предсказание своим способом, и если бы он не узнал, что причиной несчастья будет покушение на королеву, и если бы не сказали об этом Шеллару... Может, все было бы по-другому?..

Мафей проводил взглядом друзей, покидавших зал. Жака вела за руку его невеста Тереза, тоже переселенка, но, в отличие от королевского шута, очень сдержанная и скромная. Возможно, верующие люди иначе воспринимают несчастья и вера помогает им противостоять горестям. А может, просто разница в воспитании и темпераменте. Несравненная Азиль, подруга Элмара, ненавязчиво тащила за рукав Ольгу, которая самым неподобающим образом утирала нос рукавом бального платья, норовила закурить прямо на ходу и вслух ругала хинскую злодейку словами, за которые сам принц получил бы от наставника лекцию о правилах поведения часа на полтора. Вообще сама идея наряжать Ольгу в приличное платье заранее была обречена на провал. Почему было не разрешить ей присутствовать на королевской свадьбе в мужском костюме? Победителям драконов можно простить некоторые слабости. Тем более переселенцам.

Ольга, как и Жак, появилась в этом мире недавно, но уже успела прославиться на все королевство. Мафей, вспоминая переселенцев, которыми ему случилось пополнить население страны, втайне гордился тем, что именно он выдернул из лап неведомого маньяка эту во всех отношениях замечательную девушку. Не будь ее, неизвестно, как бы сложилась судьба королевской семьи да и всех подданных его кузена Шеллара. Под идейным руководством Ольги и благодаря ее уникальным способностям игнорировать иллюзии девушки, предназначенные в жертву дракону, смогли победить эту злобную, но очень разумную рептилию. Дракон-маг, который десять лет терроризировал две страны и которого безуспешно пытались извести множество героев

(включая настоящего героя — Элмара), пал от рук тех, кто должен был стать его собственными жертвами, и этому невероятному событию до сих пор не уставали радоваться все граждане королевства Ортан. После столь знаменательных событий светское общество перестали раздражать экстравагантные наряды и не особо изысканные манеры этой странной девушки, а кое-что стало пискom моды для многочисленных придворных.

Юный принц Мафей прислушался к затихающему в коридоре монологу Ольги, запомнил новое слово и вернулся к невеселым размышлениям о судьбе, которую невозможно обмануть. Бедная Ольга еще не знает, почему на сегодняшнем торжестве не присутствует ее возлюбленный, думает, что не смог приехать или не пригласили... Да нет, пригласили бы, если бы не проклятые предсказания, имеющие свойство сбываться. Но мистральнойский повстанец Кантор имел несчастье тоже стать главным персонажем вешего сна. И, судя по тому, что товарищи который день не могут его найти, скорее всего, попал в руки палача, хотя и был своевременно предупрежден. Правильно сказал тогда Элмар — если воина посылают на задание, отказаться он не может, даже если будет знать, чем все закончится. Таков путь воина. Такова Судьба. Такова Жизнь.

Тем временем в опустевшем зале остались только безутешные родственники короля и сотрудники Департамента Порядка и Безопасности, занятые сбором вещественных доказательств и составлением рапорта. Мэтр Истран что-то тихонько сказал Элмару и Кире, затем поискал глазами ученика и кивком пригласил его следовать за собой. Мафей послушно покинул укромный угол и направился к выходу, продолжая мучительно гадать, правильно ли он поступает, рассказывая о своих снах, и не его ли болтливость всему виной.

«Если Шеллар умрет, а Кантор все-таки выкрутится, — мысленно пообещал он сам себе, — я больше никогда и никому ничего не скажу. Если окажется, что принять судьбу безопаснее, чем сопротивляться, лучше ничего людям не знать и не делать себе же хуже».

ГЛАВА 1

— Здравствуйте! Я — Каспер, дружелюбное привидение.
Из одноименного мультфильма

Сначала Кантор увидел все те же сверкающие сапоги. Это уже начинало раздражать. Затем он повел глазами в сторону и наткнулся на дамские туфельки. Изящные туфельки на высоком каблуке, из светло-серого бархата, украшенные по бокам скромными такими камушками тысяч по шесть каждый. Из туфелек уходили куда-то вверх две стройных женских ножки в шелковых чулках. Кантор приподнял голову, по привычке исследуя эти ножки взглядом снизу вверх, и отметил про себя, что такие короткие юбки позволяют себе только волшебницы. Ну еще Ольга, но она не в счет. Если уж она уверяла, что в их мире можно спокойно выйти на улицу в том ее черном платье, едва прикрывающем самое сокровенное...

Едва он вспомнил об Ольге, сердце тут же мучительно заныло. Ведь и о ней они узнают, вот что ужаснее всего. Ребят не найдут, Кантор и в самом деле не знал, куда они делись или как смылись. Амарго... где он сейчас, Кантор тоже не очень представлял себе, но все же знал об этом человеке столько, что по этим сведениям его легко будет найти... Да вообще много лишнего знает товарищ Кантор. А еще он очень хорошо помнит, где живет Ольга, которая ему очень дорога и которую умный человек не преминет использовать для давления на несговорчивого пленника... хотя, впрочем, что за ерунду он городит, на кой им сдалась Ольга, сейчас эта волшебница в туфельках с брюликами просканирует его до самых печенок, доложит боссу

все, что тот хотел знать, а потом Кантора просто убьют за ненадобностью... Надо же было так облажаться с этим палачом! Ведь в самом деле специалист, мать его разэтак... Наверное, всяких объектов за свою жизнь навидался, всех возможных степеней шустрости, и точно знает, что с ними делать. Табуреткой в спину запустил, сволочь, и рука не дрогнула!

— Это он? — безглаголиво прозвучал откуда-то сверху низкий женский голос.— Его что, умыть не могли? Мне к нему, между прочим, руками прикасаться!

— Простите, мэтресса Джоана,— уже не властно, а как бы извиняясь произнес голос, принадлежавший сверкающим сапогам.— Это он уже умытый так выглядит. Видите ли, до вас с ним работали другие специалисты...

— Плюшевый Тедди? — презрительно спросила волшебница.— Оно и видно. Могли бы сразу меня пригласить.

— Нет, что вы, Тедди работает аккуратно, и на лице его работа не видна. Это ребята помяли, когда брали.

— Ладно, не столь важно, давайте начнем. Ты, ущербное создание, прекращай пялиться на мои ноги и вставай. Недаром говорят, что все мистральицы сексуально озабоченные. Чуть жив, а на дамские ножки вытарацился. Небось уже и в эротические фантазии ударился?

Кантор, хотя и знал, что его наглый язык никогда не доводил до добра, все же не удержался и ответил:

— С тобой? Да иди ты! Ты, поди, еще моему прадедушке давала в позе «крестьянка на морковной грядке»...

К счастью, мэтресса Джоана оказалась дамой не очень вспыльчивой, и ему не пришлось уворачиваться от бархатной туфельки. А сапоги почему-то поленились вступить за честь дамы, тоже к счастью.

— А Тедди он что-то подобное говорил? — с интересом спросила волшебница.

— О,— ответил господин Крош.— Тедди он крыл таким матом, что стыдно процитировать.

— Ну что ж,— усмехнулась дама,— тогда приступим.

Приподнимите его немного... и уберите с висков эти грязные лохмы.

Кантор подумал, что надо как-то попробовать сопротивляться, и стал падать.

Вокруг него был серый с синим отливом туман, густой, как сметана, и в этом тумане, беспорядочно мигая, вспыхивали и гасли оранжевые огоньки. Волшебница стояла рядом, сквозь туман смутно просматривались ее силуэт и черты лица, но зато протянутые к потенциальной жертве руки были видны очень отчетливо. Особенно непомерно длинные пальцы с иглами в четверть локтя вместо ногтей, которые красотка как раз норовила вонзить Кантору в голову, мило при этом улыбаясь и ласково приговаривая:

— Ну же, дружок, не упрямясь, покажи тете, где спрятались твои друзья...

— Хрен тебе! — отчаянно рванулся Кантор, пытаясь увернуться от этих игл, которые, казалось, окружили его со всех сторон. Он почему-то вспомнил, как в этих случаях выражалась Ольга, и добавил: — Моржовый.

И поскольку увернуться было очень и очень сложно, наотмашь ударил по протянутой руке ребром ладони. Джоана коротко ойкнула и поджала ушибленную лапку.

— Ты что, маг? — удивленно спросила она. — А они меня не предупредили... Это им обойдется в дополнительную сумму, и изрядную. Одно дело сканировать простого смертного, и совсем другое — мага, который сопротивляется. Но ты не особо заносись, магов я тоже сканировала.

Она снова очаровательно улыбнулась и сменила инструмент, так сказать. Правая рука осталась прежней, только иглы немного удлинились, а левая стала превращаться в петлю из прочной, толстой веревки. Кантор, слегка ошарашенный новым для него фактом, что он, оказывается, маг, который сопротивляется, не стал особо надеяться на свою загадочную и непредсказуемую Силу, а решил попробовать просто дать деру и как-то укрыться в этом тумане. Благо здесь он не чувствовал своей материальной сущности и ему никоим образом не мешали обожженная спина, искалеченная рука и отбитые прочие части тела.

Кантор рванулся в сторону и бросился бежать, с трудом преодолевая сопротивление туманообразной субстанции, замедлявшей движение, словно он двигался под водой. Сила Силой, но кто его знает, поможет ли она против руки-удавки. Убежать — оно вернее будет. Скрыться в этом тумане, и пусть ищет его хоть до второго пришествия эльфов... если, конечно, у нее нет специального заклинания для выманивания объекта из укрытия.

— Ты куда это? — возмущенно воскликнула волшебница и бросилась за ним. Правда, она двигалась в тумане столь же медленно, как и беглец, и догнать его было не просто. Как, впрочем, и ему скрыться. Как ни старался Кантор прибавить скорости, серый туман гасил все его усилия и расстояние между ним и Джоаной не увеличивалось, а даже постепенно сокращалось. Очень медленно, но сокращалось... То ли он просто был слабее, то ли она лучше знала это место, но было ясно, что рано или поздно волшебница все же его догонит. Скорее поздно, но какое это имеет значение? Может, лучше не тратить силы на бесполезную беготню, а попробовать встретить угрозу лицом к лицу и сразиться, как подобает воину? А если не получится? Что тогда? С другой стороны, выбора нет, все равно ведь догонит и сражаться придется. Только вот знать бы, как это делается...

Кантор остановился и все-таки повернулся лицом к противнику, выставив перед собой руки и подсознательно чувствуя, что главное — уберечь голову, а в остальном можно попробовать отбиться. Первая атака волшебницы была отражена успешно — он успел перехватить руку с петлей за запястье и самым обычным образом вывернуть, бросив при этом красотку через бедро и отступив на шаг. Она быстро подхватила на ноги и удивленно протянула:

— Даже так? Давненько мне не попадались подобные экземпляры... И как это ты ухитрился так облапошить Кроша, что на тебя не надели полиарг? Даже интересно, что из этого всего может получиться...

Видно было, что она несколько не напугана и даже не

обескуражена, а, напротив, испытывает к происходящему профессиональный интерес. Специалист за работой, мимоходом подумал Кантор, которому это живо напомнило Стеллу. Точно с таким же выражением лица почтенная мэтресса ковырялась в своих распластанных пополам пациентах. И сходство это ему очень не понравилось. А на счет полиарга... Будь ситуация менее опасной, он бы посмеялся. Одной из удивительных особенностей его Силы было именно то, что полиарг на нее никоим образом не влиял.

Вторая атака оказалась более удачной. Удавку, норовившую обвить его шею, Кантор снова успел перехватить, но броска на этот раз не получилось. Петля прочно охватила его запястье, а когти-иглы второй почти одновременно попытались снова добраться до головы. Кантор едва успел отмахнуться, поскольку отвлекся, соображая, опасно ли для него то, что его поймали за руку. На этот раз перехватить атакующую конечность в каком-нибудь безопасном месте у него не вышло, и пять длинных, острых, как кинжалы, игл вонзились ему в ладонь, пробив ее насквозь. Кантор вскрикнул от боли и попытался отдернуть руку, но иглы непонятным образом изогнулись наподобие крючков, зацепив его намертво. Единственное, что он смог сделать, — это выдать серию самых изощренных ругательств, какие знал.

— Вот ты и попался, — удовлетворенно сказала волшебница. — А теперь давай посмотрим...

Кантор стиснул зубы и отчаянно дернулся из последних сил, пытаясь вырваться из ее когтей любой ценой, даже если придется остаться без руки. Вырваться он не смог, однако вместе с новой вспышкой боли в нем вспыхнуло что-то еще. Он не сразу понял, что это, он так до сих пор и не научился сразу определять свою неуправляемую Силу. Тем более она всегда проявлялась непредсказуемо, и эти ее проявления крайне редко повторялись. На этот раз странная семейная магия приобрела вид совершенно невообразимый. Видела бы Ольга, сказала бы: «Полный сюр!» В двух шагах от себя Кантор обнаружил открытую

дверь. И ладно бы просто дверь! По краям дверного проема бежали, мигая, разноцветные огоньки, на распахнутых створках горела надпись «Добро пожаловать», а сверху висела яркая вывеска, составленная из огромных рун, тоже мигающих, как испорченный осветительный шар: «Тебе сюда!» И жирная стрелка, указывающая вниз.

Не раздумывая, что бы это значило, и не обращая внимания на боль, он снова рванулся и бросился в эту дверь. Надоедливую волшебницу пришлось тащить с собой, так как вырваться от нее возможности не было. В глаза ударила черная мгла, и Кантор чуть не рассмеялся вслух, почувствовав знакомое пронзительное головокружение и понимая, что на этот раз спасен. В Лабиринте его не достанет никакой маг, вне зависимости от могущества и квалификации. Не для них это место, плохо им здесь, классическим магам, и Сила их здесь ничего не стоит. Не тягаться им в этом месте с человеком Лабиринта, и последней душой будет эта навязчивая барышня, если попытается.

— Это еще что за пакость? Ты куда меня приволок? — возмущенно воскликнула мэтресса Джоана, озадаченно уставившись на свои руки, которые вдруг утратили все свои грозные приспособления и приобрели обычный человеческий вид. Впрочем, не совсем — теперь их туго обвивали кожаные ремни для кулачного боя, которые смотрелись просто уморительно в сочетании с изысканным маникюром. Да и сама волшебница выглядела не менее потешно в традиционном одеянии эгинских кулачных бойцов — коротенькой набедренной повязке и неком подобии намордника, предохраняющем зубы от травм. Какой-либо верх традицией предусмотрен не был, поскольку кулачный бой являлся исключительно мужским видом спорта, и оголенный бюст мэтрессы вызывающе колыхался, открытый для всеобщего обозрения. Впрочем, обозревать все эти прелести было некому, а самому Кантору было не до того. Он только подивился в очередной раз изобретательности Лабиринта и подумал, что это место, наверное, наделено каким-то собственным сознанием... и

незаурядным чувством юмора. Сам он был одет точно так же, и стояли они на утрамбованной площадке, огражденной натянутыми веревками, а вокруг простирался огромный и совершенно пустой стадион, поразительно напоминавший Большую Королевскую Арену в Эгине.

— Это не пакость,— все-таки засмеялся Кантор, подпрыгивая на месте и делая несколько пробных ударов по воздуху. Разумеется, обе его руки были теперь свободны и совершенно целы, что несказанно радовало.— Это Лабиринт, детка. И сейчас моя очередь делать тебе больно.

— Лабиринта не существует! — возмущенно топнула ножкой мэтресса Джоана.— Его выдумал бесстыжий шарлатан Максимилиано, чтобы морочить людям головы!

— Вот твоей головой я сейчас и займусь,— злорадно сообщил Кантор, слегка задетый таким неуважением к светлomu имени любимого родителя, и коротко, без размаха, ударил правой. Волшебница отлетела шагов на пять и упала на спину, живописно задрав ноги.

— Сво-олочь! — взвыла она, вскочила и встала в стойку, как-то странно встрепывая головой и корча зверские рожи. Видно, колдовать пыталась, сердешная, а не получалось.

— Что, без когтей ты не так и крута? — язвительно заметил Кантор и, легко уклонившись от атаки разъяренной дамы, ударил снова. Это было легко, совершенно безопасно и неинтересно — избивать женщину, которая не могла оказать серьезного сопротивления. Даже где-то противно. Когда же после очередного удара она не смогла подняться, у Кантора и вовсе опустились руки. Очень мило, и что с ней теперь делать? Просто отпустить нельзя, вдруг найдет выход, вернется в реальность и снова попробует его просканировать, на этот раз приняв необходимые меры безопасности. А ему, может, и не будет так везти все время. Добить было бы вернее, вот только как? Ну свернет он ей шею, секундное дело, а толку с этого? Это ведь Лабиринт, здесь все нереально... Может, стоит отнести ее к тоннелю и попытаться забросить туда?

От этих конструктивных размышлений его отвлек чей-то укоризненный и слегка насмешливый голос:

— Мальчик, за что ты истязает бедную старушку? Тебе няня не говорила, что это нехорошо? Или это и есть твоя няня?

Кантор удивленно поднял голову и посмотрел вокруг. На перилах королевской ложи сидел мальчишка-подросток, одетый во все черное, и, чуть наклонив голову, с интересом наблюдал за происходящим.

— Это я мальчик? — переспросил Кантор, стаскивая намордник, чтобы не мешал разговаривать.— А ты тогда кто?

Мальчишка засмеялся, легко спрыгнул с перил и направился к нему.

— Ну уж извини,— сказал он.— Я тебя не знаю, а выглядишь ты на данный момент как трех-четырёхлетний ребенок. В чем проблема? За что ты ее так? Ты же мог ее вполне реальным образом убить.

— Правда? — с надеждой переспросил Кантор.— Очень хорошо, а то я сомневался. Я именно это и намереваюсь сделать, а ты иди своей дорогой и не вмешивайся в чужие разборки, а то огребешь за компанию.

Маленький нахал остановился у самой веревки, облокотившись о столбик, и серьезно посмотрел на него.

— Неужели ты думаешь, что я равнодушно пройду мимо, когда кого-то убивают? Или рассчитываешь, что и в самом деле сможешь обойтись со мной так же, как с этой несчастной старухой? Ты глубоко ошибаешься. Сам ведь знаешь, что в Лабиринте внешний вид обманчив и иллюзорен. И перед тобой не мальчик, как тебе кажется, а взрослый шаман, такой же человек Лабиринта, как и ты, только старше и опытнее. Поэтому лезть в драку не советую.

— Я все же попробую,— уперся Кантор. Этот недоморок что, всерьез думает его напугать?

— Ты и ведешь себя как сопливый ученик,— совершенно беззлобно прокомментировал мальчишка.— К тому же ученик плохонький, раз меня не видишь. Сколько тебе

лет на самом деле? Понятно, не три и не четыре, а сколько? Десять, двенадцать?

— Тридцать один! — огрызнулся «плохонький ученик» и растерянно остановился, чувствуя неладное. Он собирался сказать «триста семьдесят» — не для того чтобы выпендриться, а просто из вредности, но правда вырвалась у него помимо воли. Навязчивый собеседник удивленно взметнул подвижные тонкие брови и уточнил — скорее утвердительно, чем вопросительно:

— Ты не шаман.

— Нет, я не шаман, — раздраженно отозвался Кантор. — Ты не мог бы отвязаться от меня, а?

— Ты здесь случайно, — так же уверенно констатировал странный мальчик.

— И не по своей воле.

— В таком случае оставь старушку в покое и уходи отсюда. Я могу показать тебе дорогу, если сам не можешь найти.

— Да нет уж, спасибо! Чтобы она опять за меня взялась? Опять все сначала? Лучше уж я тут останусь. Тут мне, по крайней мере, никто иголки в голову совать не станет.

— Я вижу, у вас серьезный конфликт... — Мальчишка покачал головой и уселся прямо на песок, поджав ноги. — Но все равно, убить — это не лучший способ улаживать дела. Давай лучше спокойно обсудим проблему и поищем другое, более гуманное решение.

Кантор заколебался. С одной стороны, не хотелось рисковать и бросать недобитую волшебницу без присмотра, того и гляди, очнется и сбежит. С другой — было очень соблазнительно пообщаться еще с одним человеком Лабиринта и, возможно, узнать что-то новенькое. А с третьей — можно ли ему доверять, этому невесте откуда взявшемуся нахалу? Он остановился и задумался, между делом изучая пришельца. Вблизи «взрослый шаман» выглядел лет на четырнадцать, не более, а то и моложе. Он был невысок ростом, тонок в кости и гибок, как эльф. Длинные волосы были уложены в странную прическу,

причем посреди общей черной массы сияла ярко-рыжая прядь. Скуластое лицо с чуть раскосыми глазами предполагало наличие в роду выходцев из Хины, но где-то очень далеко, поскольку хинского в мальчишке было меньше даже, чем в господине Флавиусе. А одежда больше всего напоминала Ольгину — такие же джинсы, только не голубые, а черные, и обувь, весьма похожая на ее кроссовки, только без шнурков. И еще два тонких серебряных браслета на запястье. Колоритный мальчик, ничего не скажешь.

А еще у Кантора возникло смутное чувство, что эту рыжую прядь и эти браслеты он уже где-то видел.

— Что, если она сбежит, пока мы будем обсуждать? — наконец сказал он.

— Мы никуда не уйдем,— заверил мальчишка.— Мы сядем прямо здесь и будем за ней присматривать. А почему тебе важно, чтобы она никуда не сбежала? Нет, впрочем, давай сначала и по порядку. Кто вы такие и что не поделили?

— Она пытается меня просканировать,— кратко пояснил Кантор.

— Как именно? — удивленно поднял бровь юный шаман.

— Магически, как же еще! — рассердился Кантор.— Тоже мне маг, не знаешь, как это делается?

— Постой,— уточнил собеседник.— А из какого ты мира вообще?

— То есть? Что ты имеешь в виду?

— Именно то, что сказал. Тут из пяти разных миров народ шляется, сразу и не поймешь, с кем имеешь дело. Я почему-то решил, что ты шархи, как и я, но ты странные вещи говоришь. Так из какого ты мира?

— Откуда я знаю, как он называется в четырех других? — растерялся Кантор.

— Ну да, конечно... А сами вы, как и все, называете его просто землей... Ну давай тогда перейдем на доступный тебе уровень: из какой ты страны?

— Из Мистралии.

— Вот и все понятно. Значит, ты из мира Дельта. Это чтоб ты знал, если кто спросит. Только вот я не слышал, чтобы в вашем мире водились люди Лабиринта... Ах, извини, я отвлекся. Итак, эта невезучая бабулька — волшебница и пытается тебя просканировать? На предмет чего? Ты преступник?

— Это они преступники! — оскорбился Кантор. — Мало того что они нас кинули, так еще и убить хотели! Ребята сбежали, а я попался. И теперь вот эта зараза пытается от меня узнать, где все остальные. Понимаешь, что будет, если она меня просканирует? Я столько знаю, что может пострадать куча народу. Если уж ты такой дремучий гуманист, прикинь с этой стороны. Что будет... гуманнее. Или, может, ты думаешь, что я вру?

— Нет, — серьезно ответил мальчишка, пристально его изучая, как обычно делают видящие маги. — Врать ты мне не можешь. Здесь Лабиринт. Просто всякое утверждение субъективно и поддается толкованиям... А покажи-ка ты мне свое настоящее лицо, а то даже неловко говорить о серьезных вещах с таким малышом...

Он резко вскинул руки, сложив их перед собой, а затем так же резко рванул в стороны, словно разрывая пространство или, если проще, раздвигая занавески.

— Больно, ты, засранец! — вскрикнул Кантор, поскольку ощущение было такое, будто он на миг вернулся в свое многострадальное тело. Зато теперь уж стало предельно ясно, что перед ним действительно взрослый маг, знающий о Лабиринте несоизмеримо больше, чем он сам.

— Не ругайся, — виновато попросил маг, всматриваясь в него и сочувственно заламывая бровь. — Я не знал, что это будет для тебя настолько болезненно. Зато теперь я прекрасно вижу причину твоей ненормальной агрессивности. Кто же это тебя? Тоже она?

— Нет, это другой... специалист. По своей методике, чтоб ему с его методикой... Слушай, парень, а ты мне покажешь свое настоящее лицо? А то ведь, по идее, мне следует обращаться к тебе «почтенный мэтр», но выглядишь ты так, что язык не поворачивается.

— Смотри,— пожал плечами мальчишка.— Мне это будет не больно, так что можешь открыть.

— А как?

— А ты не умеешь? Ну тогда извини. Чтобы увидеть меня, ты должен сам открыть. А чтоб тебе не было обидно, могу тебя утешить: это и есть мое настоящее лицо. Так я выглядел тридцать лет назад. Сделай поправку на возраст и представь себе. Да, и этот рыжий вихор я, разумеется, больше не ношу, вышел из того возраста.

— А что он означает? — любопытствовал Кантор, так как, согласно мистралийским обычаям, всякая прическа что-то означала.

— Это было модно во времена моей юности,— засмеялся «почтенный мэтр».— Я был ярым поклонником Кангрема, а тот был рыжим, поэтому все фаны красили себе одну-две пряди в рыжий цвет. Краситься полностью считалось признаком непомерной гордыни. Да зачем они тебе, эти детские дела, давай лучше подумаем, что с этой незадачливой старушкой делать, не убивать же ее, в самом деле...

— А почему ты ее называешь старушкой? — не удержался Кантор.— Ты ее так видишь?

— Да, именно так. Древней старухой. Знаешь, как вы жутко смотрелись — маленький ребенок, избивающий старушку... А знаешь что? Ты ее свяжи. Чем-нибудь из того, что на ней есть, тогда это будет для нее реально, и она просидит тут, пока не освободится, а освобождение займет у нее уйму времени. Да и выход из Лабиринта она будет искать долго и нудно. Только вряд ли это особо поможет в твоём положении. Либо тебя вернут к тому специалисту, который тебя так разукрасил, либо найдут другого мага.

Кантор вздохнул. Предположение было очень резонным.

— А ты хорошо ориентируешься в Лабиринте? — спросил он.

— Как у себя дома. А ты хотел куда-то попасть? Или сам не найдешь выход и тебя проводить?

— Да зачем мне искать выход, сейчас на меня там выльют ведро воды — и вынесет как миленького. Ты мне покажи, где тоннель.

— Тоннель...— понимающе кивнул мальчишка.— Оригинальный способ самоубийства, но у тебя ничего не выйдет. Тоннель не примет тебя. Ты не настолько плох, чтобы умереть. Если я могу тебе помочь как-то иначе, говори, а нет, так я пойду. Я же тут по делу, а не на прогулке.

— А по какому делу? — поинтересовался Кантор, разматывая один из ремней.

— Пациента ищут,— пояснил собеседник.

— Так ты врач?

— Да. А что, непохож?

— Ни капельки,— честно ответил мистралиец и принялся старательно связывать руки волшебнице. Убить бы, конечно, было надежнее, но ведь этот малолетний гуманист не даст. Впрочем, привязать — тоже неплохая идея. Может, она действительно застрянет здесь надолго. И есть небольшая надежда на то, что другие маги поостерегутся с ним связываться, зная, что случилось с бедной мэтрессой Джоаной.— Кого-то ты мне напоминаешь, но не врача, это уж точно.

— Да? Странно, твоя побитая физиономия мне тоже кажется смутно знакомой. Хотя видеться мы с тобой нигде не могли, разве что здесь, в Лабиринте. Тебя как зовут, между прочим? А то мы так и не познакомились.

— Диего,— ответил Кантор, поскольку из всех его имен это было самое простое и распространенное и опознать его по нему было сложнее всего. Однако на собеседника оно почему-то произвело ненормально сильное впечатление. Он замер, уставившись на Кантора изумленным взглядом человека, до которого с трудом доходит нечто непостижимое, и переспросил:

— Диего дель Кастельмарра? Это ты и есть? У тебя еще раньше была цветная татуировка на плече?

— Ну... да,— неуверенно ответил Кантор, сомневаясь, стоило ли признаваться, и недоумевая, откуда его так хорошо знают в других мирах.

— Ну у тебя талант попадать в неприятности! — воскликнул мальчишка, вскакивая с земли.— Объясни, где тебя держат, я попробую кое-кому свистнуть.

— Но как?..— растерялся Кантор.— Ты же в другом мире!

— Это моя проблема, ты объясни... Так, чтобы это было доступно для человека из твоего мира, а я передам.

— Да объяснить-то несложно, я видел, куда меня везут. Большое уродливое здание на Четвертой улице с вывеской «Филиал оружейного магазина» или что-то в этом роде. Все это в Новом Капитолии, в Голдиане. И в здании полно вооруженной охраны, разумеется.

— Хорошо,— кивнул лохматой головой мальчишка.— Постарайся не выходить из Лабиринта как можно дольше, но к тоннелю не торопись. Я уже побежал.

Он развернулся и припустил через стадион, только кроссовки замелькали. Кантор проследил, как он промчался сквозь королевскую ложу, словно она была совершенно нематериальна, и вспомнил, что так и не попросил почтенного мэтра представиться. Поскольку кричать ему вслед было поздно, Кантор в последний раз проверил прочность ремней и узлов, поднялся и неторопливо побрел прочь, размышляя, где он мог раньше встречаться с этим странным парнишкой? Ведь мальчик его вспомнил, значит, все-таки встречались. Что это с его памятью, в самом деле? Последние мозги отшибли, что ли? Не вспоминается, хоть ты сдохни. Или это было тогда же, когда и все остальное, что не вспоминается? Или все это просто шуточки Лабиринта и никакого мальчика на самом деле не было, а он тут развесил уши и ждет помощи неизвестно откуда?

— Зачем? — тихо всхлипнул Мафей.— Кому это понадобилось? Она что, ненормальная? Или ее заколдовали?

— Кто знает, ваше высочество, кто знает...— горестно вздохнул мэтр Истран.— Разумеется, господин Флавиус со временем все выяснит, но какое это будет иметь значение...

Шеллар оглянулся и приподнялся. Это оказалось совсем легко, словно его тело ничего не весило. И как ни странно, никто этого не заметил, никто не бросился с радостным криком обниматься, и вообще, казалось, все присутствующие смотрели сквозь него. Король огляделся еще раз и понял причину странной легкости и неадекватной реакции окружающих. Он действительно ничего не весил, и его никто не видел. Поскольку вся его весомая и видимая часть продолжала неподвижно покоиться на кровати и, похоже, даже не дышала.

— Это месть,— тихо сказал Чен, задумчиво вертя в пальцах отравленную иглу.— Месть по-хински. Особо изощренная и жестокая. Как совершенно верно заметил уважаемый мэтр, от маффа не существует противоядия, поэтому его обычно используют, чтобы заставить жертву умирать долго и мучительно.

— Но она же целилась в меня...— растерянно сказала Кира.— Я-то что ей сделала?

— Да, конечно,— грустно кивнул мистик.— В том и состояла особая изощренность мести. Возможно, вам, как и другим вашим соотечественникам, непонятны наши традиции и вы считаете их вздорными и извращенными, но все же возьму на себя смелость объяснить. Хинская мудрость гласит, что смерть не является самым страшным наказанием за что бы то ни было. Есть много людей, которые смерти не боятся, и есть множество вещей, которые страшнее смерти. Поэтому такой незатейливый способ мести, как убийство, столь популярный в Мистралии, в Хине считается примитивным и не делает чести мстителю. Убийство допустимо лишь в том случае, если объект мести трус и больше всего на свете боится именно умереть. В остальных случаях высокое искусство возмездия состоит в том, чтобы найти или же придумать такой способ, который заставит жертву страдать сильнее всего. Я осмелюсь предположить, ваше величество, что вашему супругу было бы гораздо больнее видеть, как умираете вы, чем умирать самому.

— Вы совершенно верно предполагаете,— вздохнул мэтр.— Ваше высочество, прекратите ломать мебель.

Элмар, сидевший верхом на стуле, отпустил спинку, которая уже потрескивала в его могучих руках, и безнадежно спросил:

— И что, совсем ничего нельзя сделать?

— К сожалению,— развел руками мэтр Истран.— Он умрет в течение суток, если я не ошибаюсь. Я все-таки не специалист по экзотическим ядам.

— Не ошибаетесь,— сказал Чен.— Не скромничайте, мэтр.

«То есть я еще не умер? — с некоторым недоумением подумал Шеллар, взлетая над кроватью и делая круг вокруг люстры.— А почему тогда я тут летаю, вместо того чтобы там лежать? Спросить бы мэтра, но меня ведь и не услышат...»

Элмар глухо застонал и уткнулся лбом в спинку многострадального стула, снова стиснув ее так, что она затрещала. Мафей, притихший в углу, несмело подал голос:

— Ему больно?

— Сейчас — нет,— ответил мистик, мельком взглянув на распростертое тело короля.— Он временами будет приходить в сознание, у него будут приступы судорог... Тогда будет больно. И выглядит это тоже... не очень приятно, так что я бы рекомендовал всем неспециалистам удалиться.

«Хорошенькая перспектива!» — подумал Шеллар, сразу почувствовав себя несколько неуютно. Ему совсем не хотелось умирать долго и мучительно и портить себе прекрасное настроение. Как ни странно, настроение у него действительно было прекрасным. То ли оттого, что он все-таки провел злодейку-судьбу, хотя и с сомнительным результатом, то ли у призраков всегда так...

Король еще раз посмотрел на свое тело, которое всегда не любил, и подумал, что совершенно зря все убиваются. Так ему нравилось гораздо больше.

— Ваше высочество,— сказал мэтр, обращаясь к безутешному Элмару,— перестаньте ломать стул и приступай-

те к своим обязанностям. Я понимаю, до коронации еще далеко, но кто-то же должен этим всем заниматься, поскольку его величество с этой кровати уже не встанет. Во-первых, в зале заседаний сидят все короли и ждут каких-либо официальных сообщений. Во-вторых, как мне кажется, господин Флавиус до сих пор спорит с императором Лао прямо посреди коридора, и этим неподобающим зрелищем наслаждается вся стража и прислуга. Пресекайте это безобразие. И в-третьих, неплохо было бы начать расследование прямо сейчас. Возможно, вам это покажется неподобающим и несвоевременным, но работа отвлекает от скорби и не позволяет окончательно впасть в отчаяние. Займитесь хоть чем-нибудь. Может, это не самый лучший способ, но, во всяком случае, вашему кузену пять лет назад именно он помог не сойти с ума. А вы, ваше высочество,— обернулся он к Мафею,— извольте отправляться в вашу комнату и посмотреть, как там Жак. Возможно, он плохо себя чувствует.

Мафей покорно поплелся к двери, а Элмар поднялся и растерянно посмотрел на мэтра, затем на Киру.

— А... Разве я наследую трон? Ведь Шеллар успел жениться, разве не королева должна...

— Ваше невежество просто поразительно! — вскричал придворный маг, вскакивая со стула.— Чем вы изволили заниматься, когда мэтр Метанди объяснял вам принципы престолонаследования? Смотрели в окно? Мечтали о девицах? Играли в карты под партой с принцессой Нонной? — Он подскочил к Элмару и, взмыв на локоть над полом (иначе просто не дотянулся бы), ухватил принца-бастарда за ухо.— Разве вам неизвестно, что наследование осуществляется не по родству, а по списку? И вам непонятно, что, раз его величество не успел изменить список наследников, вы по-прежнему первый и именно вы наследуете трон? Или вы просто надеетесь как-нибудь спихнуть с себя долг перед королевством и свалить все на бедную девушку? Так это очень просто. Коронуется, вносите ее в список и отрекаетесь от престола. И живете за-

тем с вечной славой труса и бездельника. Стыдитесь, ваше высочество!

Элмар стыдился. Очень заметно стыдился. И очень забавно. Хотя тут его величество, конечно, дал маху. Он так увлекся, пытаясь защитить невесту, что совершенно забыл о себе. И, разумеется, не потрудился изменить список наследников. Ну что стоило об этом подумать заранее! Впрочем, возможно, так даже лучше. Кире тяжело придется одной, а Элмар как-нибудь справится. Лишь бы мэтра слушался. В конце концов, покойный дядюшка был ненамного умнее. Если подумать, даже наоборот. Плохо лишь то, что дядюшка с детства готовился занять престол и к моменту коронации имел соответствующий опыт, а кузен Элмар всячески увиливал от обязанностей первого наследника, надеясь, что ему не придется править. А его умственные способности, к сожалению, носят слишком гуманитарный характер. Ему ведь не лекции о классической поэзии читать придется... И еще плохо то, что он будет практически один. У дядюшки был Деимар, наследник и помощник. У него были казначеи, которые ничего не воровали,— сначала принц Шеллар-старший, затем принц Интар. У него был принц Шеллар-младший, глава департамента... Впрочем, Флавиус не хуже, просто Элмара он не будет так уважать и ценить... Да, бедный кузен Элмар, тяжело тебе придется. Намного тяжелее, чем твоему предшественнику. Единственное, что хорошо,— тебя народ любит. Любит и знает. И ни у кого не возникнет вопроса, кто ты такой и как попал в короли. А вот жениться на Азиль тебе не позволят. Был бы жив Шеллар, не было бы проблем, а так... Придется тебе жениться на ком-то другом, и поскорее, а то ведь, не ровен час, отравят бедную нимфу, чтобы не мешала... В государственных интересах. Тот же Флавиус и организует, не побрезгует, если надо будет. Так что, дорогой кузен, если у тебя хватит на это ума, надо срочно объявить, что ты намерен жениться на ком-то другом, чтобы никто не воспринимал Азиль как угрозу государственным интересам. Переживешь как-нибудь. Ей ведь не столь важен официальный статус супру-

ги, ей важно только, чтобы ты ее любил. А ты все равно будешь ее любить. Наличие же фаворитки для короля — нормальное явление. И раз уж твой брак все равно будет формальным, лучше всего было бы жениться на любимой вдове покойного кузена. Только вряд ли ты до этого додумаешься, да и она вряд ли согласится... А жаль. Тебе бы не помешала толковая королева. Потому как сам ты, дорогой кузен...

Элмар вылетел из комнаты, на ходу пряча под волосы пострадавшее ухо, а мэтр обратился к Кире:

— Я сожалею, ваше величество... Так получилось. Если честно, я бы предпочел видеть на престоле вас, а не принца-бастарда Элмара, но...

— Вы что, думаете, мне нужен этот ваш престол? — Кира устремила на придворного мага свой единственный глаз, полный слез.— Да на кой он мне сдался? Особенно теперь...— Она перевела взгляд на бездыханного супруга и осторожно погладила его руку, лежащую поверх одеяла.— Мне нужен был он. Не корона, не генеральские эполеты, не золото и не что другое. Только он. А теперь... мне вообще ничего не нужно. И когда все это закончится, я подам прошение о переводе в действующую армию. На южные границы. Или на западные...— Она всхлипнула и добавила как-то не к месту: — Лучше бы меня дракон хвостом пришиб! Лучше бы Шеллар женился на какой-нибудь дуре, которую ему было бы не жалко и которую он не стал бы прикрывать собой! Ну зачем я согласилась!

— Если бы...— вздохнул мэтр Истран.— Когда что-то случается, мы часто повторяем это слово. Не торопитесь, ваше величество. Я имею в виду, с действующей армией. Войны все равно никакой нет, а вы будете нужны здесь. Хотите вы того или нет, пока у Элмара нет детей, вы его первая наследница. И если с ним что случится... Сами понимаете. Надеюсь, вам это более доступно, чем Элмару?

— Я? Но почему я? Разве у него нет других наследников? Кто в таком случае был вторым?

— Какая разница? Все они столь дальние родственники, что их и не стоит принимать во внимание.

— Но я вообще не член семьи и не получила королевского воспитания.

— Не Мафея же на трон сажать. А кроме него и Элмара, такого воспитания не имеет больше никто. Так что придется сделать исключение. И кто вам сказал, что вы не член семьи? Юридически вы замужем. Вы супруга короля. Еще живого короля.

Кира тихо заплакала, и у Шеллара возникло непреодолимое желание подойти и обнять ее, утешить, сказать, что он здесь, рядом, просто его не видно... И он подумал, что все не так уж хорошо, как ему казалось вначале.

— Ну что, насмотрелся? — сказал вдруг посторонний голос где-то неподалеку. — Хватит любоваться, иди сюда.

Поскольку никто не отреагировал, король сделал вывод, что голос принадлежит кому-то столь же бесплотному, как и он сам. Это было куда интереснее, чем созерцание безутешных родных и близких, поэтому он тут же откликнулся:

— Ты кто?

— Заходи в кабинет, увидишь.

Шеллар приземлился на пол, хотя это было довольно условно, поскольку пола он все равно не касался. Просто передвигаться по полу было привычнее, чем летать под потолком. Он по привычке двинулся к двери, но потом его посетила мысль, что теперь, наверное, можно пройти и сквозь стену. Король немедленно подошел к стене, разделявшей спальню и кабинет, чтобы это проверить, и попробовал погрузить в стену руку. Ладонь вошла в камень, совершенно не ощущая препятствия, словно это не он, а стена была бесплотной, сделанной из тумана. Еще более заинтересованный таким доселе не виданным явлением, Шеллар тут же сунул вслед за рукой голову и убедился, что стена действительно состоит из тумана, цветом и формой напоминающего камень.

— Хватит тебе баловаться, — сердито проворчал голос. — Как маленький! Игрушку нашел! Я его жду, а он развлекается!

— А что, это срочно? — поинтересовался Шеллар, вхо-

дя в кабинет. За его столом в его кресле сидело странное существо, такое же бесплотное, как и он сам, в темном плаще или мантии с капюшоном. Лица под капюшоном не было, в сгустке сплошной тьмы виднелись только глаза — длинные и узкие, совершенно белые, без радужки и без зрачка. Наверное, это существо было чем-то страшным, просто обязано быть, с такой-то физиономией... вернее, отсутствием таковой. Но чтобы напугать его величество Шеллара III, этого было явно недостаточно. Единственное, что ощутил король при виде этого существа, — обычное жгучее любопытство.

— Ты кто? — снова спросил он. — Смерть?

— Нет, — засмеялся гость. — Что за странная у вас, людей, манера — персонифицировать смерть? Нет, я просто пришел проводить тебя... куда следует.

— Куда? — заинтересовался король и сделал попытку сесть в кресло. С первой попытки он благополучно провалился сквозь это кресло и даже сквозь пол, затем догадался, что достаточно просто зависнуть над креслом в позе сидящего человека.

— Куда следует, — с нажимом повторило существо, явно недовольное столь подробными расспросами. — Там увидишь.

— Это если я еще пойду, — заявил Шеллар, задетый такой самоуверенностью, и с трудом сдержал смех, вспомнив, что означало «куда следует» в понимании Ольги.

— Конечно, пойдешь, — удивилось существо. — Все идут.

— А если я не захочу? — не унимался любопытный король.

— Да кто тебя спрашивать будет?

— А ты и будешь, — нахально заявил Шеллар. Это был почти блеф, так как мелькнувшая в голосе собеседника нотка неуверенности еще не означала, что он тоже блефует, но прием сработал.

— А почему, собственно, ты против? — уже более миролюбиво поинтересовался безликий проводник.

— Разве я сказал, что против? Мне интересен сам принцип. Что будет, если я с тобой не пойду?

— Не думаешь же ты, что это способ обрести бессмертие? Ты просто останешься здесь в таком виде, как сейчас.

— То есть я стану призраком? — уточнил король.— Вот откуда берутся призраки!

— Ладно, я объяснил тебе, что будет, а теперь пойдём. Мне некогда. По дороге договорим, если у тебя ещё есть вопросы.

— А к чему такая спешка? — поинтересовался Шеллар.— Разве я уже умер? Почтенные мэтры утверждают, что мне ещё сутки можно никуда не спешить. Так что, если тебе некогда, приходи, когда умру. А я пока тут поболтаюсь, посмотрю и подумаю, идти с тобой или остаться призраком.

— Остаться призраком? Ты хоть знаешь, что это одна из самых страшных кар, какие только существуют для мертвых! А ты ещё раздумываешь, не согласиться ли на это добровольно?

— А что именно в этом страшного? — Если кто и мог оставить без уточнений подобное утверждение, то уж никак не его величество.— Можешь рассказать подробно?

— Не собираюсь я тебе ничего рассказывать! Нашёл тоже сказителя! Я не нанимался тешить твоё любопытство. Это просто неуважение, в конце концов!

Шеллар улыбнулся:

— Неуважение? На мой взгляд, неуважение — являться за человеком, когда он ещё даже не умер, и торопить его под всякими вздорными предлогами. Из нашего содержательного разговора я делаю следующий вывод. Тебе нужно, чтобы я с тобой пошёл, добровольно и поскорее. Раз ты меня уговариваешь, значит, утащить меня против моей воли ты не в силах. И раз так торопишься, что даже не дождался, когда я умру, значит, либо у тебя имеются конкуренты, либо ты очень не хочешь, чтобы я остался призраком, либо у меня все-таки есть шанс выжить, до которого никто пока не додумался.

— Размечтался! — проворчало существо.— Выжить! Как же!

— Значит, конкуренты? Знаешь что? Никуда я с тобой не пойду, во всяком случае, сейчас. Лучше я проведу последние отпущенные мне сутки с максимальной пользой для своей будущей загробной жизни. Попробую на себе, что такое быть призраком, и подожду твоих конкурентов, если таковые имеются. Вдруг они окажутся посимпатичнее. А то не нравишься ты мне что-то. Нехороший ты какой-то. Злой. Да еще и в мое кресло без спросу залез. Что скажешь?

— Одно скажу точно,— проворчал проводник.— Никто посимпатичнее за тобой не придет. За вами, проклятыми, другие не приходят. Придут еще двое таких же, как я.

— Вот, значит, как,— протянул король.— Я всегда подозревал, что проклят. А почему вас трое? И кто вы на самом деле такие?

— Нас трое, потому что ты трижды проклят. А я... что-то вроде стража проклятия. Слежу за тем, чтобы оно исполнялось.

— Трижды? Поразительно! Ты мне расскажешь, в чем заключаются эти проклятия? Или это не в твоих интересах? А то смотри, вдруг мне не понравится быть призраком, а твои конкуренты окажутся общительнее...

— Мрак и преисподняя! — ругнулся страж, бешено сверкнув глазами из-под капюшона.— Второе поколение проклятых я провожаю из этого дома, но с такой наглостью сталкиваюсь впервые!

— О-о! — усмехнулся король.— Это ты еще с Кантором незнаком. Жаль, и не познакомишься, он не из нашей семьи и ни разу не проклят, что удивительно. Ну так расскажешь или подождем твоих... коллег?

— Давай тогда договариваться,— проворчал страж.— Я тебе рассказываю, а ты даешь слово, что идешь со мной. Когда умрешь. Если тебе так уж хочется умирать долго и больно.

— Вот еще! И не подумаю. Я сначала выслушаю все три версии, а потом посмотрю, кто из вас меньше всех

врал. А будешь ломаться, торговаться и угрожать, я вообще попрошу преподобного Чена произвести какой-нибудь заковыристый экзорцизм и прогнать тебя отсюда с позором. Как только приду в сознание.

— Сомневаюсь, что ты сможешь говорить... впрочем, с такого здорового лося может и статься. Только я же не демон какой, чтобы пугать меня экзорцизмами.

— Ну как хочешь,— засмеялся Шеллар и поднялся из кресла.— Я пошел, погуляю пока.

Возвращаться в спальню он не захотел, так как при виде плачущей Киры и расстроенного мэтра ему становилось тоскливо и даже... больно, что ли... Поэтому он направился на поиски неизвестного коридора, где спорили Флавиус и Лао Чжэнь. Очень было интересно, о чем это они так спорят.

Нашел их король на втором этаже, возле зала заседаний. Господа действительно стояли в коридоре у окна и спорили касательно того, кто должен заниматься расследованием и допросом плененной императрицы.

— Да будь она хоть сто раз ваша супруга и коронованная особа,— заявлял Флавиус, слегка подрастерявший свою невозмутимость,— она арестована на территории нашей страны за преступление, совершенное на нашей же территории.

— Вы что, не понимаете?! — кипятился юный император. Куда только подевалось его хинское воспитание! Обычный девятнадцатилетний мальчишка, такой же горячий и бестолковый, какими были в этом возрасте все кузены Шеллара.— Она моя подданная и моя жена! Я должен сам разобраться с этим делом! Неужели вы думаете, что я каким-то образом попытаюсь ее защищать? Да я ее на куски разорву за то, что она опозорила меня перед мировой общественностью!

— Я понимаю ваше похвальное стремление,— не уступал Флавиус.— Но оно наглядно демонстрирует ваше предвзятое отношение. Вы можете излишне погорячиться... и испортить все дело. У нас же ею займутся квалифицированные специалисты.

— Если уж говорить об этом,— возмутился Лао Чжэнь,— то хинские палачи славятся на весь мир и вашим с ними не тягаться!

— Не беспокойтесь,— заверил его Флавиус,— наши ничуть не хуже, хотя и не славятся. Кроме того, нам это будет удобнее, поскольку вы можете приобрести проблемы с семьей Нинь-гун...

— Это семья Нинь-гун приобретет проблемы! — грозно потряс сломанным веером император.— Если вы намекаете на то, что они влиятельны и знатны и имеют реальные шансы создать мне проблемы, то завтра они не будут ни знатны, ни влиятельны и даже вряд ли живы! Все!

— Вы опять излишне горячитесь,— поджал губы глава департамента.— Для начала я бы рекомендовал вам взять себя в руки и одуматься, затем навести порядок во внутренних делах собственной империи, а уж затем о чем-то со мной спорить.

— Вы не имеете права! — Бедный юноша начал срываться на визг; ай-яй-яй, видел бы наставник, почтенный придворный маг Вэнь, как ведет себя его император... Нашел с кем заводиться, ребенок,— с Флавиусом!

— Имею,— холодным ровным голосом возразил глава департамента.— Помимо того, как я уже говорил...

И бесконечный спор начался сначала. Шеллар чуть улыбнулся, поскольку это живо напомнило ему спор маленьких Тины и Ноны, кто должен первым кататься на качелях, и прошел сквозь стену в зал заседаний.

Их величества в угрюмом молчании восседали вокруг стола, стараясь не глядеть друг на друга. Заплаканная Агнесса стирала платочком с лица остатки макияжа. Шеллар впервые видел ее без слоя косметики и поразился, насколько старо она выглядит. Что тут скажешь, жизнь с пьяницей не красит даже королев...

Императрица Лао Суон любовалась в зеркало на свой подбитый глаз и пыталась как-то помочь делу, прикладывая к поврежденному месту различные металлические украшения, которых на ней хватало. Где это она так пострадать ухитрилась? Неужели ребята Флавиуса и ее за-

одно приложили? А это уже и международным скандалом пахнет...

Элвис поглядывал на часы и недовольно морщился. Видимо, находил неподобающим то, что их так долго заставляют ждать, но равно находил неподобающим высказывать свое возмущение в такой ситуации. Интересно, подумал вдруг Шеллар, будет Элвис плакать на похоронах? Или сохранит свою обычную невозмутимость, как подобает истинному джентльмену? В том, что сегодня вечером Элвис запрется в спальне, выставит дуру Нону и обрыдается в полном одиночестве, Шеллар даже не сомневался. А вот уронит ли кузен хоть слезинку на похоронах, было чрезвычайно любопытно.

Зиновий угрюмо смотрел в стол, и на его лице явственно читалось раздражение. Легко было представить, о чем он сейчас думает. «А чего еще можно было ожидать? Когда это у Шеллара хоть что-то было как у людей? Даже из свадьбы умудрился похороны сделать!» Впрочем, вполне справедливо. Очень некрасиво получилось...

Необычно трезвый и смирный Луи вертелся, ерзал и вообще чувствовал себя очень неуютно. Видимо, Агнесса с утра удерживала его трезвым исключительно угрозами натравить мистралийских принцев и ему страшно хотелось выпить, но пребывание в этом дворце слишком живо напоминало о реальности угрозы.

Александр нервно мерил шагами зал, что-то ворча себе под нос на родном языке. Скорей всего, ругательства, поскольку Костас обычно говорил то же самое, когда у него случались какие-нибудь неприятности, и всегда отказывался переводить сказанное.

— Да долго они там будут возиться?! — наконец не выдержал Александр. — О чем можно так долго спорить? И когда нам хоть что-нибудь скажут точно? Что все-таки с Шелларом?

— Скажут, когда точно будет известно, — подал голос Элвис. — Не мечись по комнате, сядь. А если тебе интересно, о чем так долго спорят император с главой департамента, то я могу тебе и так сказать. Они решают, кто будет

заниматься расследованием и допрашивать пленницу. Каждый хотел бы заняться этим лично. У его величества задета национальная гордость и вообще честь империи. А у Флавиуса задета гордость профессионала. Можете себе представить, при таких мерах безопасности у него на глазах убивают короля. Я не удивлюсь, если он покончит с собой после этого. Это, кажется, принято среди ваших соотечественников, ваше величество?

— Да,— кивнула императрица.— Не просто принято, он даже обязан это сделать... по нашим законам. Я не знаю, как здесь, в Ортане...

— Да что тут не знать,— пожал плечами Элвис.— Он уже неоднократно пытался это сделать. После каждого провала в работе. Но он всегда извещал об этом Шеллара, как положено, и Шеллар ему всякий раз запрещал. Все равно никого лучше и вернее Флавиуса ему не найти. Не знаю, станет ли Флавиус спрашивать разрешения у Элмара...

— А Элмар тут при чем? — Александр остановился и перестал ходить по залу.

— То есть как — при чем? Элмар наследует трон, если Шеллар умрет. Не думаю, что кузен успел изменить список наследников. Он ожидал, что будет покушение на невесту, и никак не рассчитывал умереть сам.

«Ты, как всегда, умница, Элвис,— подумал Шеллар.— Единственный из присутствующих, у кого в голове достаточно мозгов, чтобы все понять правильно. Ты сегодня даже не такой зануда, как обычно. Но все-таки любопытно, будешь ли ты плакать? Я никогда не видел, как ты плачешь, хотя ты и нормальный человек, в отличие от меня. Было бы интересно посмотреть...»

Агнесса между тем закончила утираться и обратилась к юной императрице:

— Суон, деточка, может, ты нам хоть что-то можешь сказать? Все равно ты наверняка знаешь больше, чем твой муж.

— Я тоже знаю немного,— вздохнула Суон.— Только догадываюсь. Юй всегда была су...масшедшей слегка. А так-

же непорядочной и недостойной женщиной. И я всегда подозревала, что она рано или поздно встрянет в какое-нибудь де...ло нехорошее. Осмелюсь предположить, что Юй тайно состояла в секте Небесных Всадников и именно она провела их во дворец. И то, что она сделала сегодня,— это их месть. Но точных сведений у меня нет. Просто я так думаю.

— Послушай, девочка,— неодобрительно поморщился Зиновий.— Мы все здесь свои. Можешь говорить как тебе нравится и не оглядываться на каждом слове на лицемера Элвиса. Думаешь, он сам таких слов не знает?

— Зиновий, ты ведешь себя неподобающе,— холодно заметил Элвис.— Достаточно того, что Александр позволяет себе непотребные выражения в присутствии дам, а ты еще желаешь, чтобы и дамы последовали его примеру. К тому же ты безосновательно обозвал меня лицемером, что является оскорблением в любом обществе.

— Заткнись,— зло бросил Александр, останавливаясь наконец посреди комнаты.— Хоть сегодня ты можешь на один вечер перестать быть занудой? Пусть лучше императрица объяснит, как их семейка докатилась до такого...

Последнее слово было сказано по-эгински без перевода, но все странным образом поняли.

— Да сволочь она, сволочь! — по-детски всхлипнула юная императрица, бросив на стол увесистую серьгу, которой только что пользовалась в лечебных целях.— И всегда была сволочью! И весь род их такой! Всю жизнь чуть не лопались от сознания собственной знатности! Если они — Нинь-гун, то все остальные — грязь и прах и в ноги им должны кланяться!..

«А вы, Цуй, не кланялись никогда и никому,— про себя продолжил Шеллар недосказанную мысль императрицы Суон.— Потому что у бедных собственная гордость, особенно если они семья Мастеров. Эх, что тут говорить, и так понятно, что ты расскажешь. Я слишком хорошо знаю Алису Монкар, чтобы не понять мелочную душонку Нинь-гун Юй. Ну-ка рассказывай, послушаем, угадал ли я. Девицу с детства избаловали до неподобающего, верно?»

Абсолютно, иначе и не могло быть. Самая лучшая, самая умная, самая красивая, самая знатная и богатая, достойный жених для такой не меньше чем сам император... первый наследник? Почти то же самое, только моложе. И вот ведь обида — не достался ей первый наследник! Взял обеих жен раньше, чем она выросла! А второму настолько противна была заносчивая гордячка, что парень больным прикинулся, лишь бы вообще не жениться. Достался бедняжке третий наследник Чжэнь, достаточно растяпистый, чтобы не суметь избежать такого сомнительного подарка судьбы. Ведь я верно догадываюсь, он тоже не пылал желанием быть мужем прекрасной Юй? Несомненно. Просто уклониться не сумел.

Эх, господа, что вам сказать... Жаль мне вашего второго наследника, мне кажется, мы бы с ним очень подружились, общие интересы нашли бы... Итак, женился несчастный Чжэнь на капризной вредине, поскольку так повелел дядя-император, и почти сразу же взял вторую жену, на этот раз по любви. И что, этот наивный мальчик надеялся получить дружную и веселую семью из трех человек, которую Ольга называет почему-то шведской? Что ж, все ясно... Говоришь, обижала тебя, перед мужем оклеветать пыталась, свекру на ушко нашептывала, даже убийц подсылала, пока не лопнуло у тебя терпение. А потом ты переступила через свою детскую гордость и пожаловалась братьям. Умница, маленькая Суон, я сразу догадался, у кого в вашей семье больше мозгов. Правильно. Не мужу, не свекру-императору, а братьям Цуй, с которыми никакие Нинь-гун не рискнут связываться при всей своей знатности. Вот такая получилась семейная жизнь у старшей супруги. Муж не любит, не балует, даже супружеским долгом пренебрегает, младшая жена строптива и непочтительна, да еще и сделать ей ничего нет возможности, с такими-то братьями... И при дворе почему-то никто в прах не рассыпается перед самой лучшей и самой прекрасной...

Обидели бедняжку Юй, не оценили по достоинству, и стала она искать тех, кто оценил бы. И быстро нашла.

Сектанты таких нюхом чуют — обиженных, неустроенных, имеющих проблемы в жизни. Таких вербовать очень просто, на край света пойдут за любым, кто скажет то, что им хочется услышать. А с подобными Юй вдвойне просто — только хвалить, льстить и восторгаться. И чего им так важно, чтобы ими восторгались?.. Так и попала принцесса Лао Юй, первая жена третьего наследника Чжэня, в тайный орден Небесных Всадников... Сначала просто с понимающим собеседником пообщаться, потом проповеди послушать, а там — промывка мозгов, обряды-ритуалы, и нет пути назад. Ритуалы у этих господ качественные, после инициации человек пропал навсегда. Только у меня тринадцать агентов пропало, при всей их спецподготовке, притом что четверо из них были магами... Правильно ты догадывалась, Суон, отчего ты столь неуверенна в своих предположениях? Все правильно, все логично и все прекрасно сходится. Одно плохо — тебе следовало поделиться своими догадками раньше. И не с мужем твоим бестолковым, а со мной. Уж я бы не решил, что ты оговариваешь соперницу из ревности. Кстати, вот забавно, если вы обе — жены одного мужчины, кем вы официально приходите друг другу? А еще мне интересно, чем занимается ваш департамент Безопасности, или как эта служба у вас называется? Медитируют на продвижение по службе да ловят мух в тушечницах? Флавиуса на них нет...

— И как бедного парня угораздило жениться на этой стерве? — вздохнула Агнесса, выслушав рассказ младшей жены и уверения в том, что император ни о чем не догадывался.

— Его не спрашивали, когда женили в первый раз,— столь же печально вздохнула в ответ императрица.— Он ни в чем не виноват. Честное слово, господа, он не знал. Если бы знал, он не допустил бы подобного несчастья. Мне очень жаль, правда невероятно жаль. Я мало знала его величество Шеллара, но наша семья в неоплатном долгу перед ним... да и просто он мне был очень симпатичен.

— Ты так говоришь, будто он уже умер,— с упреком произнесла Агнесса.

— Он умрет,— печально сказала Лао Суон, вытирая крошечный носик и глазки-щелки широченным рукавом парадного облачения.— Если он не умер сразу, значит, это маффа. А от него нет противоядия. И умирают все.

— А не может так оказаться, что доза будет ему маловата? — с надеждой спросил Элвис.— Все-таки рассчитывали на девушку, а не на такого огромного мужчину, к тому же отличающегося отменным здоровьем.

— Нет, это не имеет значения,— вздохнула Суон.— Разве что яд был какой-то другой. Но я сомневаюсь. Маффа — это классика и...

Видимо, императрица собиралась повторить лекцию преподобного Чена о принципах мести по-хински, но разговор был прерван неожиданно донесшимся из коридора ревом:

— Заткнитесь! Оба! Я не желаю этого больше слушать! Вы что, дети малые? Господин Флавиус, вы старше, будьте же умнее! Повторяю, не желаю слышать! Разберусь после коронации, не раньше! А пока пусть все будет как есть. Разойдитесь! Нашли место выяснять отношения!

— Умно,— заметил Элвис.— До коронации Флавиус выжмет из этой дамы все что захочет.

— Сомневаюсь,— проворчал Зиновий.— Ты, наверное, никогда не имел дела с религиозными фанатиками.

— Ничего, у Флавиуса есть и маги, если палачи не справятся.

Дверь отворилась, и в зал вошел Элмар, подталкивая впереди себя растрепанного императора, который все еще продолжал доказывать, что его лишают единственной возможности смыть с себя позор, коим его покрыла первая жена.

— Наконец-то! — почти хором произнесли нетерпеливый Александр и исстрадавшийся Луи.— Ну что?

Элмар несколько раз глубоко вдохнул, чтобы успокоиться и не разрыдаться принародно, и сообщил:

— Шеллар умирает. Кто хочет попрощаться, прошу за мной. На похороны всех пригласят отдельно.

Их величества немедленно зашевелились, закопошились и стали подниматься. Измученный воздержанием Луи намылился было домой, скорее залить горящую душу, но Агнесса дернула его за рукав, прошипела что-то на ухо и потащила вместе со всеми. Спустя минуту в зале остался один Зиновий, терзаемый сомнениями, правильно ли он поступил, позволив упрямству и гордости возобладать над человечностью. Шеллар не удержался, подошел поближе и сказал вслух, не очень рассчитывая, что его услышат:

— И не стыдно тебе, Зиновий? Самому ведь жить осталось всего ничего, а все кочевряжишься!

Старик поднял голову и обеспокоенно огляделся. Затем проворчал себе под нос:

— Совсем старый становлюсь... Голоса чудятся... Пора, наверное, Пафнутию посох передавать, хотя и рано ему еще, не дорос...— и, вздохнув напоследок, поднялся и отправился вслед за остальными. Видимо, ему все-таки стало стыдно. Шеллар посмотрел ему вслед и сам себя спросил:

— Интересно, когда же, по мнению Зиновия, Пафнутий «дорастет»? Ему сорок скоро, а батюшка все сомневается... Что ж, раз все ушли, куда бы мне еще сходить? К Мафею? Или, может, к придворным дамам? Или просто побродить, поискать других призраков?

— В банкетный зал заглянуть не хотите? — сказал откуда-то из-под пола знакомый голос.

— А что там? — поинтересовался король, не торопясь, впрочем, спускаться.

— Вы же хотели поискать других призраков.

— Тогда поднимайтесь сюда. Здесь никого нет, а там, наверное, слуги топчутся... Прибирают столы, потому как свадебный пир отменяется, а для поминок еще рано, скиснет все, к демонам, до послезавтра.

— У вас на удивление веселое настроение для умирающего,— заметил призрак, появляясь из-под пола.— Впрочем, вы всегда были человеком парадоксальным.

— Господин Хаббард! — изумился Шеллар, увидев собеседника.— Как вас угораздило стать призраком? А что, ваши коллеги тоже где-то здесь разгуливают?

— Да нет,— ответил господин Хаббард, зависая над ближайшим креслом.— Черт возьми, ведь прекрасно знаю, что мне не нужно это кресло, а никак не могу избавиться от привычки...

— Я тоже,— кивнул король.— Так что же случилось с вами? Вы сами захотели или вас как-то неправильно похоронили?

— Конечно, неправильно,— ответил призрак.— Я же христианин, а вы меня похоронили по вашим варварским обычаям. Да еще и голову куда-то утащили. Нехорошо, ваше величество. Где моя голова?

— Вот оно что! — рассмеялся Шеллар.— А я еще потешался над рассказами о том, что по дворцу разгуливает ваш призрак и пристаёт ко всем с вопросом, где его голова! Бедный мой кузен говорил истинную правду, а я ему меньше пить посоветовал, в чем теперь раскаиваюсь. Вы бы меня спросили, если уж вам действительно так важно было найти голову.

— Я пробовал,— развел руками господин Хаббард.— Вы меня решительно не слышали. Это один из недостатков моего нынешнего состояния. Нас не все слышат и почти никто не видит. А являться надо как-то уметь. Я не умею. Так куда же вы мою голову дели?

— Я вашу голову вообще не трогал. Флавиус отнес ее в камеру графине Монкар, наивно полагая, что упомянутую даму хоть немного расстроит наглядное доказательство вашей смерти. А вот куда она делась потом...

— Это-то я знаю... Я слышал ваш разговор с кузеном, когда вы ему рассказывали, как Алиса обошлась с моей головой. Стерва! Сто раз вы были правы, когда советовали с ней не связываться... Мне хотелось бы знать, куда ее дели потом, мою голову?

— Боюсь, я это вряд ли смогу выяснить,— развел руками король.— Мне уже не доведется общаться с людьми. А вам не нравится быть призраком?

Покойный юрист пожал плечами:

— Не знаю. Приятного мало, но в противном случае опять налетят эти морды в капюшонах и начнут меня делить...

— А вы тоже прокляты? Впрочем, чему я удивляюсь, вас, наверное, каждый отбор кто-то проклинал. И что, их много, этих морд?

— Десятка два. Так что, пожалуй, призраком быть и лучше. А то еще, может статься, если меня отпоют по-христиански, за мной что-нибудь похуже явится и потащит в наш христианский ад, а там, уверяю вас, приятного мало. Я, правда, сам не видел, но проверять достоверность нашей мифологии у меня нет никакого желания. Лучше уж так... Скучно, правда, но спокойно. А теперь еще спокойнее будет. Раньше мне все время было ужасно досадно видеть, что вы счастливы и довольны жизнью, разделавшись со мной. А теперь люблюсь, как вы умрете, и мне будет легче.

— Ну любуйтесь,— чуть усмехнулся король.— Если вам от этого действительно станет легче. Мэтр сказал, что я буду умирать долго и мучительно, так что вы должны быть просто в восторге.

— Что-то вы действительно слишком жизнерадостны для умирающего,— заметил господин Хаббард.— Вам что, ни капельки не обидно или это ваше пресловутое самообладание?

— Не то чтобы совсем не обидно... Но я все же победил, поэтому у меня такое хорошее настроение.

— Странные у вас представления о победе. Вы умираете, в чем же ваша победа?

— Кира жива,— серьезно ответил король, не очень, впрочем, надеясь, что его поймут.

— Ах вот в чем дело... Все-таки женщины — ваше самое слабое место. Впрочем, вам повезло больше, чем мне.

Ваша вдова оплакивает вас совершенно искренне и уж ни в коем разе не будет пинать ногами вашу голову.

— Господин Хаббард,— сказал Шеллар, уходя от неприятной темы о плачущих вдовах,— а другие призраки здесь есть?

— А что,— усмехнулся бывший глава Комиссии,— я вам уже надоел?

— У нас впереди вечность, и надоест вы мне еще успеете. Собственно, вы ведь сами знаете, что надоели мне еще при жизни, и не просто надоели, а остопаскудели, извините за выражение, и общаюсь я с вами только из любопытства — насколько вы изменились после смерти. А насчет призраков — мне просто интересно. Их должно быть множество в этом дворце, как мне кажется.

— Вечность, говорите? Вы что, тоже собираетесь стать призраком? И как думаете, это у вас получится? Вас ведь похоронят по всем правилам, пышно и по-королевски, так что шансов остаться у вас не будет.

— А от этого что-то зависит?

— Разумеется, зависит.

— Я подумаю над этим. Но все-таки как насчет других призраков? Если у меня так мало времени, я тем более хотел бы успеть с ними познакомиться.

— Есть здесь другие призраки,— как-то печально сообщил господин Хаббард,— только они решительно не желают со мной общаться. Видимо, они ваши предки и в обиде на меня за то, что я хотел утащить у вас корону. И к слову о короне — ловко же вы меня провели! Кто бы мог подумать?! Милый симпатяга Жак, который боится крови, оказывается, одержимый! А убийца-мистралиец, который валял передо мной дурачка, был просто отвлекающим фактором! Как я и предполагал, ваша клятва была потрясающе обтекаемой. Никто не обещал, что мы дойдем до кабинета. Равно как никто не обещал, что мы оттуда выйдем, если все же войдем. Об этом варианте я узнал позже, когда уже был призраком. Я пришел в вашу комнату, чтобы хоть полюбоваться на ваши страдания, раз уж

отомстить не получалось, и слышал, как вы рассказывали все вашему придворному магу.

— Да вы поистине находка для шпиона, господин Хаббард! — нахмурился король. — Надо с вами что-то делать. А то ведь научитесь являться, не приведите боги, познакомьтесь с каким-нибудь шпионом и будете ему информацию поставлять. В качестве маленькой мести.

— Хорошая мысль, — засмеялся юрист. — Только это скорее от скуки, чем в качестве мести. Еще один из недостатков моего нынешнего состояния — то, что мне ничего не нужно. А месть... от нее тоже никакой практической пользы. Может, ваши китайцы что-то в этом находят, но я этого не понимаю.

— Что же, приятно было побеседовать, господин Хаббард. А где, если не секрет, тусуются эти призраки, которые не желают с вами общаться?

— Да нигде, просто болтаются по дворцу, как и я. Слово-то какое — тусуются! От Ольги нахватались?

— Разумеется, — улыбнулся король. — И за что вы ее так не любили? Очень... очень славная девушка. До свидания, может, еще увидимся.

Он поднялся с кресла, подумывая, куда бы еще сходить, но вдруг неведомая сила рванула его вверх, в глазах потемнело и стало больно. Очень больно.

— Начинается, — сказал где-то рядом голос придворного мистика. — Ваше величество, вам лучше тоже уйти. Это... не слишком подходящее зрелище для женщины.

— Преподобный Чен, — отозвалась Кира, — я вам не Жак. Я была на войне и видела зрелища похуже. Никуда я не уйду. Я буду с ним до конца. Пусть лучше мэтр Истран уйдет, у него сердце больное.

Шеллар хотел что-то сказать, просто чтобы узнать, сможет ли он говорить, если понадобится, и понял, что его общение с миром живых отныне закончилось. Сведенные судорогой челюсти не разжимались, язык не ворочался, и единственные звуки, которые он смог издать, не тянули даже на крик. Получалось только невнятное мычание и хрипение.